

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Св. Тихонъ Св. Митрофанъ

ПРИВѢЩЕНІЕ

**КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ**

15-го Мая

№ 10

1881 года.

РѢЧЬ

къ поселянамъ въ сороковый день по кончинѣ Государя
Императора Александра Николаевича.

Православные христіане! Нынѣ — сороковый день, какъ
разлучилась съ тѣломъ душа Царя-мученика, Императора на-
шего Александра Николаевича, и мы — сътующій Его народъ —
собрались помянуть Его, — незабвеннаго нашего Благодѣтеля.
Вы знаете, братіе, что сороковый день по кончинѣ — особенно
важенъ для новопредставленнаго христіанина. — Самъ воскрес-
шій Господь нашъ, до сороковаго дни со времени своей смер-

ти, пребывалъ своимъ человѣчествомъ на землѣ, являлся ученикамъ Своимъ и бесѣдовалъ съ ними о Царствіи Божіемъ; и въ сороковый уже день, сопровождаемый Своими учениками и всѣми вѣровавшими въ Него до горы Елеонской, вознесъ свое человѣчество на небо въ вѣчную Божескую Свою славу. Подобное сему, по учению св. вѣры христіанской, бываетъ и съ душою новопреставленнаго христіанина. Душа христіанина, по разлученіи съ тѣломъ, до сороковаго дня еще не имѣетъ для себя опредѣленнаго мѣстопребыванія и, сопутствуемая даннымъ ей отъ Бога Ангеломъ, пребываетъ и около своего тѣла, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно любила пребывать во время—земной своей жизни,—припоминаетъ особенно тамъ свои дѣла—все то, чѣмъ любила заниматься на землѣ; Наконецъ—именно въ сороковый день—душа возводится для поклоненія своему Творцу и Спасителю, и, предъстоя предъ Нимъ, видитъ какъ на вѣсахъ Правосудія Божія взвѣшивается все—до малѣйшихъ подробностей—и доброе и злое, содѣланное ею на землѣ, слышитъ Божій приговоръ, опредѣляющій ей, или блаженное, или скорбное мѣстопребываніе. Такъ важенъ сороковый день для души усопшаго христіанина. Теперь новопреставленный Царь нашъ—предъ престоломъ Божіимъ, теперь взвѣшивается на судѣ Божіемъ вся Его жизнь; теперь Царь нашъ какъ человѣкъ, взираетъ на неприступное величіе Божіе, изрекающее опредѣленіе на всѣ дѣла Его и человѣческія и царскія. И потому особенно теперь нужны Ему други и ходатаи; теперь-то особенно душа Его обращается къ намъ съ словомъ: «дѣти мои! за любовь свою къ вамъ я претерпѣлъ безвременную и мученическую смерть.—Помните ли вы, какъ я, истерзанный за васъ, прощаясь съ вами изъ гроба, устами святой церкви говорилъ и просилъ васъ: «непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу»—вѣдь и я,—при царскомъ величій,—былъ человѣкъ, нечуждый немощей че-

ловѣческихъ, и потому Миѣ, особенно теперь нужны ваши усердныя молитвы.

Помолимся же, братіе, милосердому Христу Богу нашему, да подастъ Онъ незабвенному нашему Благодѣтелю мученику-Царю Александру Николаевичу вѣчный блаженный покой, и да сотворить Ему вѣчную память!

Свящ. Павелъ Иларіоновъ.

ОБЪ ОБРЯДАХЪ И СИМВОЛАХЪ ВЪ ХРИСТИАНСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ.

Христіанское Богослуженіе есть совокупность различныхъ внѣшнихъ знаковъ, обрядовъ, символовъ и дѣйствій, посредствомъ которыхъ вѣрующій открыто и торжественно заявляетъ свое религіозное чувство по отношенію къ Божественному Существо, составляющему предметъ религіи. Религія есть союзъ человѣка съ Богомъ, а Богослуженіе есть внѣшнее проявленіе этого союза, или, по крайней мѣрѣ, внѣшнее проявленіе стремленія человѣка войти въ общеніе съ Богомъ. Въ частности, христіанское Богослуженіе есть совокупность знаковъ особенныхъ, опредѣленныхъ церковію и ея Божественнымъ основателемъ и главою Иисусомъ Христомъ, — знаковъ, посредствомъ которыхъ религіозная вѣра и религіозная жизнь общины и ея отдѣльныхъ членовъ, равно какъ и всей Церкви, выражается и проявляется во внѣ, и которые дѣйствительно доставляютъ какъ всей Церкви вообще, такъ и каждому изъ ея членовъ въ особенности, общеніе съ Богомъ и Божественную благодать.

Изъ этого опредѣленія Богослуженія отчасти уже понятно, какое громадное значеніе имѣютъ въ немъ различные обряды, символы, внѣшніе знаки и вообще вся Богослужебная обстановка; понятно также, какъ должны быть разнообразны

и многочисленны ви́шніе знаки, употребляемые при Богослуженіи. Высокая важность такого акта, какъ общеніе съ Богомъ, естественно должна была побуждать человѣка употребить для выраженія и поддержанія этого общенія всевозможныя средства, какія только могли показаться въ его распоряженіи, и чѣмъ глубже и живѣе было сознаніе важности акта общенія съ Богомъ, чѣмъ сильнѣе была вѣра въ дѣйствительность этого акта, тѣмъ болѣе человѣкъ заботился объ изобрѣтеніи средствъ, умноженіи и улучшеніи разнообразныхъ ви́шнихъ знаковъ для поддержанія этого общенія, — о составленіи лучшихъ и цѣлесообразнѣйшихъ комбинацій изъ этихъ ви́шнихъ знаковъ и средствъ и проч.

Все разнообразныя и многочисленные ви́шніе знаки, которые могутъ служить и дѣйствительно служатъ въ Богослуженіи средствами для выраженія внутренняго существа религіи, какъ акта общенія человѣка съ Богомъ, раздѣляются главнымъ образомъ на три категоріи: на знаки, выражаемые посредствомъ человѣческаго *слова*, — на знаки, выражаемые человѣкомъ посредствомъ своихъ *дѣйствій* и на знаки *символическіе* или символы. Въ первому разряду можно отнести: молитву, проповѣдь, слова благословенія и цѣніе; ко второму — принесеніе Евхаристической жертвы и тѣ дѣйствія, въ которыхъ естественнымъ образомъ должно проявляться благочестиво — настроенное чувство, какъ, на примѣръ: колѣнопреклоненія, простертіе лицъ и проч.; къ третьему — тѣ ви́шнія и нарочито опредѣленныя Церковію формы, въ которыхъ могла бы выразиться опредѣленная религіозная идея, такъ, на примѣръ: крестное знаменіе, освященная вода, зажженная свѣча и проч. Въ ряду указанныхъ средствъ человѣческое слово по справедливости должно занять одно изъ первыхъ мѣстъ; потому что это — самый естественный, самый распространенный и незамѣнимый знакъ для выраженія различ-

ныхъ оттѣнковъ нашихъ мыслей и чувствованій; онъ можетъ выразить самые неуловимые, самые тонкіе оттѣнки человѣческой мысли и человѣческаго чувства, возносящагося къ Богу. За словомъ, а можетъ быть и прежде него, можно поставить, какъ средство для выраженія мысли и чувства, жестъ и дѣйствіе. Это средство также весьма важно; оно также естественно и распространено; оно присуще всему человѣчеству; для подтвержденія этого достаточно указать на колѣнопреклоненія и другія подобныя естественныя дѣйствія, необходимо сопровождающія актъ молитвы. Третьимъ средствомъ для выраженія религіозныхъ идей и благочестиво—настроеннаго чувства должны служить и служатъ вещи и вообще естественныя памятники и монументы, которыми молящійся человѣкъ обружаетъ себя, частію желая выразить этимъ свое душевное настроеніе, частію—желая возбудить и поддержать въ себѣ религіозное чувство. Сюда относятся: священныя мѣста и св. вещи, храмы и ихъ принадлежности, священныя изображенія и т. п., — все это служить для человѣка средствомъ выразить свое стремленіе къ общенію съ Богомъ, свое молитвенное и благоговѣйное настроеніе.

Какое же мѣсто, въ ряду этихъ средствъ для выраженія молитвеннаго настроенія человѣка, долженъ занимать символъ? Для рѣшенія этого вопроса нужно точнѣе опредѣлить самое слово *символъ*. Строго—опредѣленнаго значенія это слово въ церковно—богословскомъ языкѣ не имѣетъ, а употребляется въ различныхъ значеніяхъ, то въ тѣсномъ, то въ обширномъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что первоначальное словоупотребленіе болѣе благоприятствуетъ употребленію этого слова въ тѣсномъ его смыслѣ. Символомъ въ древности назывался вообще условный знакъ словесный, или образный, придуманный для выраженія какого—нибудь понятія. Въ религіозной сферѣ древняго міра символъ вообще, и въ частности сим-

воль образный, былъ особенно распространенъ въ греческихъ мистеріяхъ. Тайное ученіе этихъ мистерій выражалось посредствомъ символическихъ изображеній, значеніе которыхъ было извѣстно только посвященнымъ. Символами назывались также въ древности у язычниковъ словесныя формы мнимыхъ откровеній божества, напримѣръ: оракульскія изреченія. Въ христіанско-богословскій языкъ слово *символъ* перешло первоначально въ значеніи условнаго знака словеснаго или образнаго, посредствомъ котораго вѣрующіе могли бы узнавать другъ друга и судить о взаимной принадлежности къ одному и тому же тѣлу Церкви. Въ этомъ смыслѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ названіе символа носить *крестъ* — знаменіе нашего спасенія, выраженіе отличительнаго христіанскаго догмата о Христѣ распятомъ. Тоже названіе носило съ самыхъ древнихъ временъ краткое словесное изложеніе основныхъ догматовъ христіанства — исповѣданіе вѣры. Это словоупотребленіе принято въ Церкви и богословской наукѣ, такъ что и въ настоящее время исповѣданіе вѣры называется символомъ; научное изложеніе догматическихъ разностей различныхъ христіанскихъ исповѣданій часто называется символикой, а самыя изложенія догматовъ, принятые всею Церковію, или всѣми послѣдователями извѣстнаго исповѣданія, — *книгами символическими*. Но и другое, болѣе обширное значеніе слова *символа*, какъ вообще внѣшняго знака какой — нибудь отвлеченной религіозной или иной какой либо идеи, было извѣстно въ Церкви и богословской наукѣ съ самой глубокой древности. Эпитетъ — символическій издавна очень часто былъ употребляемъ отцами и учителями церкви, равно какъ и другими древними и новыми писателями, въ смыслѣ равнозначущемъ словамъ: таинственный, мистическій и даже — преобразовательный. Въ этихъ послѣднихъ значеніяхъ слово символъ особенно часто было употребляемо толковате-

лями священнаго Писанія. Многочисленныя мѣста св. Писанія, гдѣ заключаются прообразы или пророческія изображенія будущаго, или образныя описанія настоящаго, назывались мѣстами символическими. Слова: символическій, таинственный, метафорическій означали одно и тоже, хотя въ большей части этихъ образныхъ мѣстъ вовсе нѣтъ элементовъ намѣреннаго придумыванія и изобрѣтенія, которое необходимо предполагаетъ тѣсное значеніе слова *символь*. Такимъ образомъ слово *символь* съ равною законностію можетъ быть употребляемо въ двухъ значеніяхъ: *обширномъ*, какъ вообще внѣшній знакъ, внѣшнее выраженіе какой нибудь мысли, понятія, идеи, будетъ ли этотъ знакъ естественный или искусственный, и въ *тѣсномъ*, какъ внѣшній знакъ, нарочито придуманный и опредѣленный для выраженія какой либо особой, таинственной, религіозной идеи. Въ какомъ же изъ этихъ двухъ значеній слово *символь* должно быть употребляемо по отношенію къ Богослуженію? Намъ кажется, что значеніе символа въ Богослуженіи не уменьшится, въ какомъ бы смыслѣ мы не стали употреблять его здѣсь. Если мы будемъ употреблять слово *символь* въ обширномъ значеніи, тогда очевидно онъ будетъ общимъ понятіемъ, общимъ названіемъ для обозначенія всѣхъ внѣшнихъ средствъ, существующихъ для выраженія общенія челоуѣка съ Богомъ, для внѣшняго проявленія его молитвенной настроенности; тогда и *слово* будетъ символомъ, и *дѣйствіе* и *вещь*. Если мы будемъ употреблять это слово въ тѣсномъ значеніи, и тогда *символь* долженъ остаться общимъ названіемъ всѣхъ употребляемыхъ въ Богослуженіи внѣшнихъ знаковъ внутренняго состоянія молящагося. Всѣ эти знаки, какъ естественные, такъ и искусственные, нарочито придуманные, существуютъ въ Богослуженіи, по авторитету Церкви; въ употребленіи тѣхъ и другихъ знаковъ въ литургической практикѣ

сама Церковь является санкционирующею силою; какъ крестное знаменіе, такъ и колѣнопреклоненіе, воздѣяніе рукъ и проч. имѣють здѣсь опредѣленное Церковію значеніе. Такимъ образомъ, если символъ есть знакъ, нарочито опредѣленный Церковію для выраженія извѣстной религіозной идеи, то это названіе должны носить и естественные символы, а не только — крестное знаменіе, освященіе воды, куреніе свѣчама и подобныя дѣйствія, изъ которыхъ притомъ многія получили свое начало и значеніе не отъ самой Новозавѣтной Церкви, а заимствованы ею отъ Церкви Ветхозавѣтной, и даже изъ языческихъ культовъ, съ готовымъ значеніемъ и формами, подобно такъ называемымъ естественнымъ символамъ. И такъ въ литургическомъ отношеніи названіе *символъ* должны носить всѣ вообще внѣшніе знаки, употребляющіеся въ Богослуженіи и служащіе для выраженія религіозныхъ идей и чувствъ молящагося человѣка. А такъ какъ все Богослуженіе, какъ внѣшнее проявленіе внутренняго существа религіи, есть совокупность разнообразныхъ внѣшнихъ знаковъ, разныхъ символическихъ дѣйствій и положеній, служащихъ средствами для выраженія внутренней религіозной жизни, какъ всей церкви вообще, такъ и каждаго изъ ея членовъ въ частности, — то очевидно, что символъ долженъ играть въ составѣ Богослуженія самую главную роль, что онъ здѣсь необходимъ абсолютно; очевидно, что символическій элементъ въ Богослуженіи долженъ быть элементомъ существеннымъ, что символизмъ составляетъ сущность каждаго акта Богослуженія, даже болѣе, — что каждый актъ Богослуженія, а равно и вся совокупность этихъ актовъ, — все Богослуженіе можно разсматривать, какъ одинъ глубокій и непрерывный символъ. Символизмомъ проникнутъ богослужебный языкъ, символизмомъ проникнуты всѣ богослужебныя дѣйствія, въ богослужебныхъ вещахъ также существуетъ глубокій символизмъ.

Чтобы видѣть, какъ всеобщее употребленіе символическаго элемента въ Богослуженіи, укажемъ хотя на нѣкоторые общіе факты для подтвержденія этого. Не говоря уже о томъ, что языкъ, какъ естественное средство для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, по самому существу своему и происхожденію, имѣетъ характеръ символической условности; въ доказательство особеннаго символическаго характера богослужебнаго языка можно указать на разныя условныя богослужебныя формулы и краткія молитвенныя воззванія, которыми неизмѣнно начинается, сопровождается и оканчивается какъ общественное Богослуженіе, такъ и частная молитва, таковы, напримѣръ, возгласы: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»; «Миръ всѣмъ»; «Аминь» и др. Далѣе, нѣчто символическое можно находить даже въ голосѣ молящагося, въ образѣ произнесенія имъ молитвы, отличномъ отъ обыкновеннаго чтенія и произношенія. Символизмъ нѣнія стоитъ еще выше. Здѣсь значеніе слова церковныхъ пѣсней и вообще все ихъ содержаніе находится въ самой тѣсной связи съ модуляціями и переливами голоса. Здѣсь, такимъ образомъ, какъ бы само собою обнаруживается религіозное чувство и каждый тонъ является какъ бы особеннымъ чувственнымъ символомъ. Впрочемъ, въ словѣ и голосѣ человѣка символизмъ не можетъ проявляться съ такою рельефностью, какъ въ священныя дѣйствія и вещи, по крайней мѣрѣ здѣсь онъ не можетъ быть такъ замѣтенъ, потому что слово и голосъ слишкомъ обыкновенныя и привычныя для насъ средства для выраженія нашихъ мыслей и символическія особенности въ нихъ не могутъ рѣзко бросаться намъ въ глаза. Священныя дѣйствія и вещи въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество. Они подлежатъ нашему зрѣнію, въ самому главному изъ нашихъ наблюдательныхъ чувствъ. Они не такъ распространены, не такъ обыкновен-

ны, какъ *слово*; они рѣже, чемъ послѣднее, употребляются нами въ качествѣ средства для передачи другимъ своихъ мыслей и чувствъ, а потому они въ сравненіи съ словомъ всегда кажутся намъ болѣе искусственными. Съ другой стороны, они гораздо нагляднѣе и конкретнѣе могутъ выразить, какъ религіозную, такъ вообще всякую идею, а потому и болѣе употребительны при Богослуженіи, задача котораго— какъ можно нагляднѣе выразить внутреннее существо религіи, религіозную вѣру и чувство. И дѣйствительно, священныя символическія дѣйствія, частію естественныя, частію искусственныя, нарочито придуманныя для выраженія какой либо религіозной идеи, составляютъ одинъ изъ преобладающихъ элементовъ христіанскаго Богослуженія; преклоненіе колѣнъ, воздѣяніе рукъ, возведеніе очей къ небу, паденіе ницъ и проч.,—все это суть дѣйствія, сопровождающія молитву, какъ частную, такъ и общественную, а между тѣмъ, ихъ символическій характеръ несомнѣненъ,—все это суть символическія проявленія благочестиво -- настроеннаго чувства. Искусственныя символическія дѣйствія въ Богослуженіи распространены и употребительны еще болѣе: крестное знаменіе сопровождаетъ всѣ Богослужебныя отправленія; благословеніе рукою, постриженіе волосъ, окропленіе освященною водою, возженіе свѣчъ, куреніе ошимама и проч.,—все эти дѣйствія входятъ въ составъ разныхъ Богослужебныхъ чиновъ. Не менѣе богата символизмомъ церковная архитектура, скульптура и живопись. Произведенія этихъ искусствъ, составляющія великолѣпную символическую обстановку Богослуженія, полны таинственнаго смысла. Благочестивое чувство христіанскихъ художниковъ, повидимому, во всѣхъ областяхъ внѣшней природы, исторіи, обыденной жизни и даже міеологіи искало подходящихъ образовъ для вѣрнѣйшаго выраженія глубокихъ и разнообразныхъ христіанскихъ идей. Область хри-

стіанскаго искусства представляет самое богатое поле для изслѣдованій относительно христіанской символики, и по справедливости пользуется особеннымъ вниманіемъ ученыхъ археологовъ. Образъ креста, или корабля, полагаемый въ основаніе храмовъ, обращеніе храмовъ алтаремъ на востокъ, внутреннее расположеніе храмовъ, св. утварь, ихъ украшающая, престолъ, свящ. принадлежности престола, литургическіе сосуды: потиръ, дискосъ, звѣздица, копіе и лжица, св. покровы, антиминосъ и проч., — все это имѣетъ символическое значеніе, опредѣленное и признанное Церковію. Скульптурныя и живописныя изображенія—и украшения храмовъ также полны символическихъ образовъ: голубь означаетъ Св. Духа; орелъ, левъ, телець, челоуѣкъ—символы Евангелистовъ. Особенно богаты символизмомъ древнія живописныя изображенія: таковы изображенія: *голубя* (символь чистоты и невинности), *рыбы* (какъ существа, напоминающаго о водѣ жизни—крещеніи¹), *корабля* (символь спасающей всѣхъ людей Церкви), *рыбаря* (символь уловленія людей въ духовную жизнь), *феникса* (символь будущаго обновленія міра и воскресенія людей), *вѣнца* (символь увѣнчанія праведныхъ въ вѣчной жизни), *виноградной лозы* (образъ, который приложилъ І. Христоръ къ Самому Себѣ), *доброю пастыря* (образъ Іисуса Христа—Лук. 15, 5; Іоан. 10, 11.), *агнца* (образъ І. Христа—Іоан. 1, 29,) и проч. Добрыи пастырь съ поднятою на рамена овцою, агнецъ, а также рыба были особенно любимыи изображеніями у христіанъ первыхъ

¹) Кроме того буквы, составляющія греческое слово *ἰχθύς* (рыба), были начальными буквами главныхъ именъ Спасителя: Іисусъ Христоръ, сынъ Божій, Спаситель. Поэтому изображеніе рыбы было напоминаніемъ о Христѣ.

вѣковъ. Такъ широка была область христіанской символики и такъ велика была потребность символизма, что христіанское чувство не смущалось пользоваться даже языческими представленіями и образами, если находило ихъ способными выразить христіанскую идею и вообще — послужить средствомъ для обнаруженія религіознаго настроенія и стремленія войти въ общеніе съ Богомъ. Мы говорили до сихъ поръ о символизмѣ, такъ сказать, частномъ, объ отдѣльныхъ символахъ. Но эти символы служатъ для цѣлей Бослуженія не только каждый самъ по себѣ, но и главнымъ образомъ своею совокупностію. Поэтому, говоря о символизмѣ въ Богослуженіи, нельзя не обратить вниманія на комбинаціи отдѣльныхъ символовъ, — комбинаціи, въ которыхъ для символическаго элемента открывается новая область — и очень обширная. Въ Богослуженіи символы имѣютъ значеніе не только каждый въ отдѣльности, но и въ совокупности, во взаимномъ соединеніи; не только каждый символическій знакъ, каждое символическое дѣйствіе въ отдѣльности имѣетъ свой смыслъ, но и соединенія этихъ знаговъ и дѣйствій въ Богослужебныхъ чинахъ имѣютъ также свой новый особенный смыслъ. Такъ въ чинѣ Литургіи расположеніе символическихъ знаговъ и дѣйствій ясно обнаруживаетъ цѣль — представить символически взорамъ присутствующихъ исторію земной жизни Спасителя; малый входъ означаетъ здѣсь исшествіе Іисуса Христа на общественное служеніе, великій — шествіе Его на вольныя страданія; изнесеніе св. Даровъ послѣ причащенія — вознесеніе на небо и проч. Подобное же стремленіе обнаруживается и въ расположеніи символовъ и въ Богослужебныхъ чинахъ. Каждый изъ этихъ чиновъ извѣстнымъ порядкомъ расположенія своихъ составныхъ частей преслѣдуетъ какую нибудь опредѣленную и цѣльную религіозную идею. Въ расположеніи самыхъ Богослужебныхъ чиновъ по време-

намъ дня, недѣли и года обнаруживается тотъ же символизмъ, тоже стремленіе выразить внѣшнимъ образомъ опредѣленную религіозную идею. Кругъ церковныхъ праздниковъ и недѣль по своему расположенію есть нечто иное, какъ символическое изображеніе проявленія Божественнаго во времени и Исторіи; есть нечто иное, какъ символическое представленіе исторіи Откровенія въ ея главныхъ моментахъ и съ ея замѣчательнѣйшими воспоминаніями. Каждый моментъ церковнаго года есть такимъ образомъ символическое обнаруженіе религіозной вѣры, духа и жизни въ ихъ историческомъ проявленіи, — живое символическое перенесеніе историческихъ фактовъ и личностей изъ прошедшаго въ настоящее. — И этого краткаго обзора Богослужбныхъ символовъ достаточно, чтобы видѣть, какое почетное мѣсто занимаютъ они въ Богослуженіи, и какое существенное они имѣютъ здѣсь значеніе.

Но, на какихъ же основаніяхъ символическому элементу дано такое широкое и даже исключительное значеніе въ Богослуженіи? Необходимо ли его присутствіе здѣсь? Законно ли оно, или, по крайней мѣрѣ, законно ли и необходимо ли такое обиліе его въ Богослуженіи? — Ужели Богослуженіе должно состоять только изъ внѣшнихъ символическихъ обрядовъ и церемоній? Ужели эти обряды и церемоніи существенно — необходимо должны соблюдать человѣкъ, ищущій войти въ общеніе съ Богомъ? — Вотъ вопросы важные и имѣющіе даже нѣкоторое практическое значеніе. Они тождественны съ вопросомъ о законности существованія религіознаго обряда и даже вообще — съ вопросомъ о законности и необходимости внѣшняго Богослуженія, религіознаго культа. Отрицательный отвѣтъ на эти вопросы тождественъ съ отрицаніемъ всего внѣшняго въ религіи. Но такой отвѣтъ невозможенъ; потому что необходимость и законность символическаго элемента въ

Богослуженіи лежить на основаніяхъ слишкомъ общихъ и неоспоримыхъ.

Г) Первое основаніе можетъ быть названо *антропологическимъ*. Оно заключается въ понятіи о природѣ человѣка; въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что человѣкъ одною частию своею есть существо духовное, а другою—существо чувственное, тѣлесное,—что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и что обѣ эти части его существа находятся между собою въ самой тѣсной органической связи, такъ что психическія отправления духовной природы человѣка необходимо отражаются на его физической организаціи и посредствомъ ея проявляются во внѣ. Религія есть актъ духовный; она есть главнымъ образомъ достояніе внутреннѣйшаго существа нашей духовной природы. Религіозная вѣра и надежда, любовь къ Богу и всѣ вообще акты религіозной жизни совершаются во внутреннемъ святилицѣ нашей души. Но откуда же въ такомъ случаѣ необходимость ихъ проявленія во внѣ? Какъ единеніе человѣка съ Богомъ, существомъ духовнымъ, какъ отравленіе, функція нашей души, существа тоже духовнаго,—религія не должна ли оставаться актомъ исключительно духовнымъ, отравленіемъ исключительно внутреннимъ,—исключительнымъ достояніемъ внутренней жизни человѣка?—Наши душевныя отправления не всѣ необходимо должны проявляться во внѣ, и не всѣ проявляются по крайней мѣрѣ, не всѣ обнаруживаются съ одинаковою рѣзкостью. Таковы, на примѣръ, отправления нашей умственной дѣятельности. Если дѣятельность мысли до извѣстной степени отражается на лицѣ и въ общемъ положеніи человѣка, то не до такой степени, чтобы наблюдатель могъ опредѣлить самое содержаніе мыслей наблюдаемаго человѣка. Внѣшность человѣка мыслящаго не всегда даже даетъ основанія судить о степени напряженія его умственной дѣятельности, а иногда она даже положительно или предположи-

тельно отрицаетъ и всякое присутствіе мысли. Кажется, что эту именно неуловимость проявленій человѣческой мысли разумѣлъ Спаситель, когда сказалъ, что *никтоже вѣсть, яже въ человѣцѣхъ, точію духъ чловѣка, живущій въ немъ*. Но если умственная жизнь проявляется во внѣ неуловимымъ образомъ, или даже иногда вовсе не проявляется, то проявленія дѣятельности человѣческаго чувства неудержимы, разнообразны и часто чрезвычайно сильны; радость, гнѣвъ, печаль, восторгъ и другія, такъ называемыя, аффективныя состоянія проявляются въ разныхъ внѣшнихъ формахъ нерѣдко съ чрезвычайною рѣзкостію и пластичностію. Проявленія эти бывають иногда до того рѣзки и сильны, что человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ извѣстнаго чувства, теряетъ даже сознаніе и не можетъ уже разумно и свободно опредѣлять себя къ дѣятельности. Этой неудержимости проявленій нашего чувства, свидѣтельствующей о естественной необходимости этихъ проявленій, не противорѣчитъ тотъ неоспоримый фактъ, что мы однако можемъ до нѣкоторой степени сдерживать свои душевныя движенія, маскировать себя и скрывать свои внутреннія чувства. — Но всякому извѣстно, что это состояніе сдержанности, когда мы хотимъ подавить въ себѣ какое нибудь, хотя бы и не очень сильное движеніе чувства, составляетъ для насъ трудъ, иногда доставляетъ намъ страданіе; вообще оно непріятно для насъ и часто невыносимо. Мы какъ можно скорѣе стараемся избавиться отъ такого состоянія, и какъ только обстоятельства, заставлявшія насъ сдерживаться, устраняются, мы даемъ полную волю движеніямъ своего чувства и проявленія этихъ движеній бывають тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долѣе и энергичнѣе были подавляемы. Все это показываетъ, что состояніе сдержанности во время возбужденной дѣятельности чувства есть состояніе ненормальное, и что внѣшнія

проявленія дѣятельности нашего чувства не только нормальны, но и необходимы психологически, въ силу коренныхъ особенностей человѣческой природы. Если это справедливо, то справедливо также и то, что внѣшнія проявленія религіи, религіозной вѣры и религіознаго чувства естественно и абсолютно необходимы, — они также неудержимы и нормальны, какъ и проявленія вообще человѣческаго чувства. Мы сказали, что религія есть достойніе внутренняго существа человѣка, его духа, — есть дѣятельность и отправление его духовной природы; но ее можно опредѣлить еще частицею: она главнымъ образомъ есть достойніе человѣческаго чувства. Глубочайшія тайны религіи недоступны для человѣческаго ума. Человѣкъ не можетъ постигнуть ихъ своимъ умомъ и воспринимаетъ ихъ только вѣрою, а вѣра не есть актъ ума, а скорѣе чувства. Непостижимыя истины христіанскаго вѣроученія могутъ быть, правда, предметомъ нашего размышленія и изученія; но дѣйствіе этого изученія не будетъ уже актомъ религіозной жизни, а ученымъ трудомъ, дѣятельностію мысли. Христіанская надежда и любовь, какъ акты религіозныя, еще менѣе могутъ имѣть отношенія къ дѣятельности человѣческаго ума. Умъ человѣка отъ сопркосновенія съ этими религіозными отправлениями можетъ, правда, проникнуться общею религіозною настроенностію, — присоединить гармонически свою дѣятельность къ дѣятельности общихъ религіозныхъ органовъ человѣка; но онъ не можетъ сдѣлаться источникомъ этихъ отравленій. Онъ вообще не чуждъ религіозной жизни и долженъ сообразовать свою дѣятельность съ ея законами и направлениемъ, но не можетъ сдѣлаться ея исключительнымъ средоточіемъ и исходною точкою ея отравленій. Не таково человѣческое чувство; оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ отправлениямъ религіозной жизни и очень часто становится ея исключительнымъ органомъ. Нѣкоторая неопредѣленность

и безотчетность и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенная глубина и непреодолимость его движеній какъ нельзя болѣе удобны для воспринятія въ себя религіозной жизни, — удобны быть ея органами. И дѣйствительно, мы видимъ, что религіозная жизнь человѣка происходитъ главнымъ образомъ по законамъ жизни нашего чувства, которое становится ея органомъ. Сдѣлавшись отравленіемъ чувства, она и проявляется по его законамъ, — проявляется съ такою непреодолимостію и необходимостію, какъ и чувство. Внутренняя религіозная жизнь безъ внѣшнихъ проявленій — явленіе не нормальное и даже немислимое.

2) Что внутренняя религіозная жизнь человѣка необходимо должна проявляться во внѣ, въ Богослуженіи, — что религіозная вѣра и чувство въ своей дѣятельности подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ вѣра и чувство обыкновенныя, — это ясно видно далѣе изъ того, что фактъ внѣшняго обнаруженія религіозной жизни человѣка въ особыхъ символическихъ знакахъ существуетъ, и съ самой глубокой древности, съ перваго появленія человѣка на землѣ, и у всѣхъ народовъ. Это новое основаніе законности и необходимости внѣшняго культа, Богослуженія и вообще символическаго проявленія внутреннего существа религіи имѣетъ тѣсную связь съ первымъ. Всеобщность и древность, а также замѣчаемое, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, тожество проявленій религіозной жизни у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, очевидно вытекаютъ изъ свойствъ и тожества человѣческой природы вообще и въ свою очередь подтверждаютъ фактъ существованія этого тожества и этихъ свойствъ, обуславливающихъ абсолютную необходимость внѣшнихъ проявленій внутренней жизни человѣка. Исторія древности и наблюденія надъ жизнію современнаго человѣчества показываютъ намъ, что нѣтъ и не было ни одного народа, который

такъ или иначе не выражалъ бы во внѣ своей религіозной жизни, своего благовѣнія къ существу Высочайшему, своего чувства зависимости отъ высшаго начала. У народовъ дикихъ и вообще стоящихъ на низкой степени культуры эти проявленія религіозной жизни, правда, слишкомъ бѣдны образностию, просты и несложны и въ своей совокупности едва заслуживаютъ названіе культа; но за то у народовъ болѣе развитыхъ съ незапамятныхъ временъ существовали и существуютъ довольно сложные культы. Китайцы, Индусы, Египтяне, Греки и Римляне принадлежатъ именно къ числу такихъ народовъ. Культы этихъ народовъ, первоначально простые и несложные, дѣлались все болѣе и болѣе сложными по мѣрѣ успѣховъ ихъ общественной жизни и образованія. Это, впрочемъ, нисколько не доказываетъ, что необходимость проявленій религіозной жизни зависитъ отъ успѣховъ общественной жизни и образованія и есть какъ бы результатъ этихъ факторовъ. Это значитъ только, что по мѣрѣ прогрессивнаго развитія извѣстнаго народа расширяется кругъ его религіозныхъ идей и представленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются средства для ихъ проявленія, увеличивается умѣнье пользоваться этими средствами и разнообразить ихъ употребленіе. Отъ первоначальной простоты народныхъ культовъ нельзя дѣлать заключенія къ ихъ несуществованію въ болѣе древнее время. Это будетъ противорѣчить антропологическимъ соображеніямъ о природѣ человѣка и не подтверждается Исторіей. Оставляя въ сторонѣ историческія свидѣтельства языческихъ писателей, обратимся къ повѣствованію библіи, — источнику, который, независимо отъ своей богодухновенности, имѣетъ еще значеніе достовѣрнѣйшаго историческаго памятника. Изъ библейскихъ повѣствованій видно, что уже первая чета находилась въ общенія съ Богомъ, и Богъ бесѣдовалъ съ нею въ раю. Каинъ и Авель приносятъ жертвы Богу,

— вотъ уже внѣшній символъ, внѣшняя оболочка религіозной идеи, внѣшнее проявленіе религіознаго чувства, религіозной вѣры и надежды. Жертва была первымъ внѣшнимъ проявленіемъ религіи древняго человѣка. Она составила ядро богослуженія и, будучи обставлена другими символическими знаками и дѣйствіями, сдѣлалась главною составною частію богослуженія, какъ поклонниковъ истиннаго Бога, такъ и язычниковъ. Явившееся вскорѣ идолопоклонство не уничтожило и даже не извратило въ человѣкѣ способности проявлять во внѣ свое религіозное чувство и вѣру. вмѣсто истиннаго Бога, оно ставило боговъ ложныхъ, почитало ихъ какъ истиннаго Бога, и по всей вѣроятности, сыны человѣческія также приносили жертвы, какъ и сыны божіи. Съ усиѣхами общественной жизни формы патриархальнаго культа начали осложняться; по крайней мѣрѣ, увеличилось количество символическихъ знаковъ общенія человѣка съ Богомъ,—общенія, для котораго особеннымъ, главнымъ и существеннымъ поводомъ служило чаяніе Искупителя. Поддерживая это чаяніе, Богъ неоднократно являлся Патриархамъ и повторялъ Свои обѣтованія, подтверждалъ ихъ даже клятвою. Многознаменателенъ по своей сложности и глубинѣ символическаго значенія обрядъ клятвы, которымъ клялся Богъ Аврааму. Авраамъ, по повелѣнію Божію, беретъ трехлѣтнюю юницу, трехлѣтнюю козу, трехлѣтняго овна и двухъ голубей, разсѣкаетъ ихъ, кромѣ птицъ, и кладетъ части разсѣченныхъ животныхъ одну противъ другой, такъ чтобы въ промежуткѣ можно было пройти. *Когда зашло солнце, и наступила тьма; вотъ, дымъ какъ бы изъ печи и пламя огня прошли между разсѣченными животными* (быт. 15, 17). Этотъ и подобные символы, хотя не имѣютъ прямаго и не посредственнаго отношенія къ Богослуженію, но они свидѣтельствуютъ о распространеніи символизма и притомъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и

босвенно, касаются основнаго и центральнаго пункта патриархальной религіи; слѣдовательно, и культа Обѣтованнаго Искупителя. Нельзя также не обратить вниманія на обычай, существовавшій въ патриархальный періодъ — ставить на мѣстахъ богоявленій вещественные памятники въ знакъ благоговѣнія и уваженія къ святости мѣста и явившагося здѣсь Бога, а также обычай — преимущественно на этихъ мѣстахъ приносить Богу жертвы. Такъ Иаковъ на мѣстѣ видѣнія лестницы поставилъ камень и возлилъ на него елей. Возложеніе рукъ при благословеніи, обрѣзаніе и проч. имѣли также религиозно — символическое значеніе. Еще болѣе увеличился кругъ символическихъ религиозныхъ знаковъ съ явленіемъ новаго закона. Будучи сѣбно грядущихъ благъ, законъ Моисеевъ сформировалъ для іудеевъ полный религиозный культъ съ глубокимъ символическимъ значеніемъ. Независимо отъ прямого и непосредственнаго символическаго значенія, каждое дѣйствіе, каждый обрядъ даже каждая принадлежность подзаконнаго богослуженія заключали въ себѣ еще символизмъ высшій, какъ прообразы Новаго Завѣта. Расположеніе и устройство Скинии и храма, ковчегъ Завѣта, различные роды жертвъ, одежды священниковъ и проч., — все это было проникнуто символизмомъ искусственнымъ и нарочито опредѣленнымъ. О присутствіи здѣсь еще символизма естественнаго, какъ элемента общаго и необходимаго во всякомъ богослуженіи и при всякой молитвѣ, конечно неможетъ быть и рѣчи. Съ явленіемъ въ міръ Обѣтованнаго Искупителя и съ откровеніемъ Новаго Завѣта, ветхозавѣтные образы упразднились, но не упразднилась потребность челоуѣчества обнаруживать религиозное чувство въ видимыхъ и осязаемыхъ образахъ и дѣйствіяхъ. Съ пришествіемъ дня, въ который истинные поклонники должны были кланяться Небесному Отцу не въ какомъ нибудь одномъ только мѣстѣ, а на всякомъ мѣстѣ, когда они

должны были кланяться Ему въ духѣ и истинѣ, — не уничтожилась необходимость проявлять во въѣ это поклоненіе сообразно съ законами человѣческой природы. Самъ Ходатай Нового Завѣта, принявшій на себя человѣческое естество, обнаруживалъ религиозную жизнь Своей души сообразно съ законами этого естества. Онъ молился съ возведенными къ небу очами, колѣнопреклоненный и съ опущенной къ землѣ головой, — Онъ произносилъ молитвенныя слова; училъ своихъ учениковъ молитвѣ; воздавалъ должное уваженіе храму; наконецъ установилъ таинство Евхаристіи и завѣщалъ совершать его въ Его воспоминаніе. Изъ Апостольскихъ писаній мы видимъ, что въ Церкви существовалъ уже въ самое ближайшее время послѣ Крестной смерти Иисуса Христа опредѣленный культъ, какъ совокупность символическихъ знаковъ, для выраженія религиозной жизни. Вѣрующіе собирались въ храмъ, освѣщенной, молились, пѣли псалмы, преломляли хлѣбъ; при этомъ, равно какъ и въ другихъ случаяхъ, употреблялись разные символическіе обряды и дѣйствія, на примѣръ: колѣнопреклоненіе, воздвигніе рукъ, возложеніе рукъ, братское цѣлованіе, обнаженіе головы у мужчинъ, освященный талей и проч. Все эти факты, заимствованные изъ богодухновенныхъ писаній, имѣютъ характеръ обязательности не только для нашей вѣры, но для ума. Въ нихъ мы видимъ, что человѣкъ въ теченіе исторіи, на пространствѣ многихъ десятковъ вѣковъ, никогда не отрѣшался отъ необходимости обнаруживать свою внутреннюю религиозную жизнь посредствомъ внѣшнихъ знаковъ, — что онъ постоянно проявлялъ эту жизнь не только посредствомъ символовъ естественныхъ, но и искусственныхъ, нарочито придумывая ихъ для полнѣйшаго и осозательнѣйшаго выраженія своихъ религиозныхъ идей. Онъ не отрѣшался отъ этой необходимости даже тогда, когда началъ поклоняться Богу духомъ и истиною. Такая всеобщность факта ясно по-

казываетъ, что онъ основанъ на существенныхъ особенностяхъ человѣческой природы, — особенностяхъ, которыя необходимо должны проявляться такъ, а не иначе.

3. Но эта естественная психологическая необходимость внѣшняго обнаруженія человѣческой релігіозной жизни главнымъ образомъ доказываетъ, повидимому, только законность частныхъ проявленій ея, а не культа вообще, не Богослуженія, которое есть проявленіе релігіозной жизни не частнаго только лица, а цѣлой совокупности лицъ. Доказавъ необходимость богослуженія вообще, какъ совокупности символическихъ проявленій внутренней релігіозной жизни, мы должны доказать еще необходимость богослуженія именно общественнаго, какъ такого акта, гдѣ символизмъ особеннымъ образомъ развивается и комбинируются различные его образы, — доказать необходимость комбинацій символа въ богослуженіи общественномъ. Эта необходимость логически вытекаетъ уже изъ предыдущихъ доказательствъ. Сюда приводитъ только одно новое понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ общественномъ, сотворенномъ для общества, и членѣ Церкви. Будучи членомъ одного цѣлаго, связаннымъ съ остальными членами самими тѣсными узами общихъ интересовъ и братской любви, человѣкъ носить въ себѣ моральную необходимость въ общеніи съ другими, помогать своей высшей цѣли — общенія съ Богомъ, — въ союзѣ со всѣми членами общаго цѣлаго стремиться къ осуществленію цѣлей релігіи, и удовлетвореніе этого стремленія заключается именно въ общемъ участіи въ богослуженіи, въ общемъ проявленіи своей релігіозной жизни. Эта моральная необходимость общественнаго богослуженія достаточно уясняетъ необходимость тѣхъ особенныхъ комбинацій символическихъ знаковъ и дѣйствій, которыя составляютъ, характеристическую черту общественнаго богослуженія. Такимъ образомъ необходимость и законность символическа-

го элемента въ богослуженіи вытекаетъ изъ основаній чрезвычайно простыхъ и общихъ, слишкомъ извѣстныхъ и неоспоримыхъ, — изъ общепризнанныхъ особенностей человѣческой природы, подтверждаемыхъ общимъ наблюденіемъ и Исторіей. Однакоже противъ присутствованіи въ богослуженіи символическаго элемента, или, по крайней мѣрѣ, противъ особеннаго его обилія здѣсь, слышатся нерѣдко, особенно на западѣ, въ средѣ протестантства, возраженія, на которыхъ, для полноты доказательствъ, мы остановимъ нѣкоторое вниманіе. Культъ христіанства, говорятъ, долженъ быть духовнымъ, — долженъ быть поклоненіемъ въ духѣ и истинѣ. Для чего же ви́шнія, чувственные формы, обряды и обычаи тамъ, гдѣ все должно быть направлено къ внутреннему, идеальному и духовному? Не Самъ ли Иисусъ Христосъ говорилъ, что Богъ есть духъ, и царство Божіе есть царство духовное? — Чѣмъ неразвитѣ религія и народъ, чѣмъ крѣпче связаны узами дѣтства и чувственности естественная жизнь и естественная религія, тѣмъ чувственнѣе и символичнѣе его культъ и самая религія. И наоборотъ, чѣмъ болѣе религія и ея истины развиваются и дѣлаются достояніемъ духовнаго созерцанія и сознанія, тѣмъ она бѣднѣе символами и формами, и тѣмъ богачѣ понятіями и идеями. Таково возраженіе, существующее на Западѣ, относительно значенія символическаго элемента въ богослуженіи. Извѣстно, что нѣчто подобное можно слышать въ нѣкоторыхъ кругахъ и православнаго общества, которое смущается обиліемъ символизма въ православномъ богослуженіи и, не понимая его смысла, готово отрицать его цѣлесообразность и законность. Все возраженіе, очевидно, можно раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ первая направлена противъ законности вообще богослуженія и ви́шняго культа, а вторая — только противъ обилія символическаго элемента въ богослуженіи. Что касается перваго возраженія, то, оно, оче-

видно, основано на той психологической нелѣпности, что буд-то внутреннiя хотѣнія нашего духа не нуждаются во внѣшнихъ проявленiяхъ, и что эти проявленiя олицетворяютъ, такъ сказать, наши духовныя движенiя, и низводитъ ихъ на низшую степень достоинства. После того, что выше сказано о психологической необходимости внѣшняго обнаруженiя нашей духовной жизни, въ опроверженiе этой нелѣпности и основаннаго на ней возраженiя сказать можно немного. Если внѣшнiя обнаруженiя духовно-религiозной жизни необходимы и нормальны, совершенно обуславливаются существенными свойствами человѣческой природы, то это возраженiе падаетъ само собою. Наше поклоненiе Богу, конечно, должно быть поклоненiемъ въ духѣ истинѣ, но оно не потеряетъ своего духовнаго характера отъ того, если будетъ проявляться во внѣ. Символическое обнаруженiе такого поклоненiя имѣетъ значенiе не само по себѣ, а по отношенiю къ тому, что оно обнаруживаетъ, — по отношенiю къ смыслу и значенiю выражаемыхъ религiозныхъ идей и чувствъ. Богъ, безспорно, есть Духъ; но человѣкъ не духъ; въ его природѣ два начала; онъ существо и духовное и чувственное; вѣчное и временное въ немъ гармонически и самымъ тѣснымъ образомъ соединяется. Поэтому, если несомнѣнно, что человѣкъ не можетъ оставаться безъ религiи, то также несомнѣнно и то, что религiя человека не можетъ существовать безъ внѣшнихъ формъ, — что культъ долженъ быть чѣмъ-то чувственнымъ, хотя цѣль его сверхчувственная. Вторая часть возраженiя, направленная противъ обиди и символическаго элемента въ богослуженiи, имѣетъ менѣе радикальную цѣль; оно, по своей видимой умѣренности, едва ли не опасно. Это возраженiе основано на психологическомъ и историческомъ парадоксѣ: будто человѣкъ по мѣрѣ умственнаго и религiознаго развитiя, теряетъ мало-по-малу потребность обнаруживать посредствомъ

и внѣшнихъ знаковъ свою внутреннюю жизнь, и что чѣмъ образованнѣе и развитіе становится народъ, тѣмъ бѣднѣе формами и символами дѣлается его культъ. Истинно ли, придетъ ли она? Правда ли, что чѣмъ развитѣе становится человекъ, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ потребности обнаруживать свою внутреннюю жизнь во внѣшнихъ формахъ? Наблюденіе надъ историческою жизнью народовъ этого не подтверждаетъ; оно и показываетъ даже противное. Потребность внѣшняго обнаруженія внутренней жизнедѣятельности человека остается въ всей силѣ, и на какой-бы ступени культуры ни стоялъ онъ. Но, по мѣрѣ развитія человека въ умственномъ отношеніи, по мѣрѣ расширенія круга его представленій и идей, въ него распоряженіи находится болѣе средствъ для проявленія своей внутренней жизни. Мы видимъ, что люди образованные гораздо чаще и даже, чѣмъ люди малоразвитые, чувствуютъ потребность выразить свои мысли и выражаютъ ихъ, то въраздѣ лучше, разнообразнѣе и полнѣе, чѣмъ послѣдніе. Точно также и люди истинно — религиозные, съ болѣе развитымъ религиознымъ чувствомъ, умѣютъ выражать свою религиозную жизнь гораздо разнообразнѣе, полнѣе и рельефнѣе, чѣмъ люди мало — религиозные. Чѣмъ и полнѣе религиозная жизнь, тѣмъ глубже и усильнѣе религиозное чувство, тѣмъ настоячивѣе потребность внѣшняго ея обнаруженія и притомъ — въ формахъ, и какъ можно болѣе полныхъ, разнообразныхъ и глубокихъ по внутреннему своему значенію.

Исторія также не подтверждаетъ того положенія, что чѣмъ развитѣе народъ, тѣмъ простѣе и индифференциальнѣе его культъ, и наоборотъ, — чѣмъ чувственнѣе и несвѣдѣннѣе народъ, тѣмъ усложнѣе его культъ. Исторія, какъ мы отчасти видѣли уже, показываетъ совершенно противное. Народы дикіе, стоящіе въ самой низшей степени развитія, имѣли и имѣютъ самыя простыя культы. По мѣрѣ развитія общественной и религи-

озной жизни этихъ народовъ и ихъ образованія, ихъ культы осложнялись и осложняются все болѣе и болѣе. Индійцы, Китайцы, Египтяне, древніе Персы еще въ глубокой древности имѣли очень сложные культы, хотя стояли сравнительно съ другими, имъ современными, народами, имѣвшими болѣе простые культы, на высокой степени развитія. Греки и Римляне принадлежать къ числу образованнѣйшихъ народовъ древняго міра, — они были такъ богаты разными понятіями и идеями, что даже христіанская культура воспользовалась и долгое время питалась значительною частію оставшагося отъ нихъ духовнаго наслѣдства, — однако и они владѣли очень сложными религіозными культами, и для выраженія своей религіозной жизни имѣли въ своемъ распоряженіи и пользовались огромнымъ количествомъ символическихъ знаковъ. Кроме того, исторія ихъ религіи показываетъ, что ихъ культы дѣлались сложнѣе и разнообразнѣе именно по мѣрѣ успѣховъ ихъ образованія, а не наоборотъ. Какое же иное заключеніе можно вывести изъ этого неоспоримаго историческаго факта, какъ не то, что прогрессивное развитіе народовъ не только не препятствуетъ развитію символизма въ ихъ религіяхъ и осложненію ихъ культовъ, а наоборотъ — даже обусловливаетъ это развитіе и содѣйствуетъ ему. Сложность культа, обиліе символическаго элемента въ религіи не только не говорятъ ничего о невѣжествѣ и неразвитости народа, — о его чувственности и неполнотѣ его религіозной жизни, а напротивъ, — свидѣтельствуютъ о высшемъ религіозномъ развитіи народа и о боольшей высотѣ и богатствѣ его религіозныхъ представленій и идей.

Такимъ образомъ, символическій элементъ въ богослуженіи есть элементъ существенный. Онъ составляетъ сущность богослуженія, какъ вышшняго акта обнаруженія внутренняго существа религіи. Все богослуженіе есть нечто иное въ этомъ

отношеніи, какъ одинъ непрерывный и глубокой символъ, — какъ внѣшняя оболочка религіи. Символическія обнаруженія относятся къ внутреннему существу религіи, какъ тѣло къ душѣ, какъ слово къ мысли, и имѣютъ, слѣдовательно, характеръ абсолютной необходимости. Эта необходимость основана на общепризнанныхъ неоспоримыхъ свойствахъ человѣческой природы, состоящей изъ духа и тѣла, соединенныхъ между собою неразрывно. Она подтверждается наблюденіемъ надъ жизнью какъ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и надъ историческою жизнью народовъ.

Т.

РѢЧЬ

по случаю Кончины Государя Императора Александра Николаевича, произнесенная въ Нью-Йоркѣ докторомъ Ньюмономъ.

Къ свободѣ призваны вы, братія; только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти: но любовію служите другъ другу». Гал. V, 13. «Многіе воображаютъ, что подѣ Евангеліемъ они могутъ дѣлать все, что только хотятъ, и это безъ грѣха. Нѣкоторые думаютъ, что добродѣтель и порокъ суть условные термины, которые не представляютъ реальностей, а только условности. Иные думаютъ, что свобода есть отрицаніе закона, порядка и приличія, и въ приложеніи къ нравственности, политикѣ и благосостоянію она означаетъ освобожденіе отъ всякихъ ограниченій. Напротивъ свобода въ самомъ понятіи своемъ заключаетъ ограниченіе и отвѣтственность. Безусловная свобода есть не только нелѣпность, но и покушеніе осуществлять ее есть преступленіе противъ вселенной. Человѣкъ есть организованное ограниченіе. Человѣческое тѣло можетъ расти толь-

ко до известной высоты. Отбросьте этот законъ ограниченія и голова человѣка достигла бы такой высоты, на которой невозможна жизнь. Человѣкъ можетъ ѣсть и пить только известное количество, можетъ спать столько-то и можетъ настолько-то выносить холодъ и жаръ—все это заключаетъ въ себѣ ограниченіе. Мы такъ устроены, что даже чувствительность имѣетъ свои предѣлы. Напряженіе чувства выше даннаго пункта ведетъ за собой обморокъ или смерть. Мы могли бы слышать музыку небесныхъ сферъ, если бы имѣли достаточную для этого слуховую воспримчивость; мы могли бы видѣть престолъ Невидимаго, если бы имѣли соответствующую оптическую способность. Наша умственная способность такова, что для нея есть известные предѣлы, за которыми мы не можемъ мыслить. Природа повсюду призываетъ къ остановкѣ. Человѣкъ имѣетъ общественныя обязанности, какъ онъ имѣетъ личныя права. Бракъ ограничивается двумя лицами, потому что число половъ равно. Дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ, чтобы обезпечить домашнее согласіе и счастье. Организованное общество есть организованное ограниченіе. Это означаетъ уступку пзъ личной свободы для выгоды организованнаго общества. Правительство есть необходимость, которая вытекаетъ изъ нашихъ социальныхъ нуждъ. Всякій человѣкъ такъ созданъ, что онъ инстинктивно поручаетъ общинѣ своихъ собратій попеченіе и защиту его правъ и отмщенія его обидъ, и его собратья въ свою очередь инстинктивно принимаютъ на себя это полномочіе. Онъ и они дѣлаютъ это со всею силою естественнаго закона. Тутъ нѣтъ мѣста выбора—хочетъ или не хочетъ человѣкъ быть членомъ гражданскаго общества. Онъ становится таковымъ какъ скоро начинаетъ жить, и общество сразу предоставляетъ ему всѣ выгоды своего попеченія и требуетъ отъ него исполненія известныхъ обязанностей. Изъ этого взаимнаго отношенія

выходят обязанности и права патриотизма, и въ признаніи этого отношенія гражданинъ оказываетъ повиновеніе закону, платитъ налоги и посвящаетъ свою жизнь, если необходимо, благу своей страны. Въ вознагражденіе гражданинъ получаетъ защиту жизни, собственности и семейства, выгоды воспитанія и религіозной свободы. Въ настоящее время раздается крикъ противъ ограниченій, представляемыхъ правительствомъ; но это крикъ безумныхъ противъ мудрой и благодѣтельной обязанности и защиты. Это крикъ беззаконника, блуднаго сына, пьяницы, мошенника, разбойника и убійцы. Одна форма правительства несомнѣнно лучше другой, но тутъ важнѣе всего не форма правительства, а характеръ самого гражданина. Лучшіе люди жилали при худшихъ формахъ правительства, какъ апостолы при Неронѣ, пуритане при Стюартахъ. Ихъ угнетали, преслѣдовали, предавали смерти, а они — до блестные мужи — были образцами добродѣтели. Было также и то, что при самыхъ лучшихъ, отеческихъ формахъ правленія жили самые порочные, скотоподобные люди. Изъ всѣхъ почетнѣйшихъ словъ въ нашемъ говорильномъ мірѣ, сладостнѣйшимъ до очарованія, могущественнѣйшимъ для одушевленія служить «свобода». Она согрѣваетъ наши сердца, расширяетъ нашъ умъ, вдохновляетъ наше мужество. Изъ-за нея человѣчество боролось въ теченіи шестидесяти вѣковъ, за нее люди умирали на кострѣ, на полѣ битвы, въ рукахъ разъяренной толпы. Но какія ужасныя преступленія были совершаемы во имя свободы! Огни французской революціи воспламенялись при крикахъ — свобода; коммуна обограла улицы Парижа человѣческой кровью при вопляхъ — свобода; Царь Россіи былъ умерщвленъ во имя «свободы». Но это распущенность; это презрѣніе къ закону, порядку и приличію; это разрушеніе организованнаго общества; это означаетъ

разбой и убійство; это злоупотребленіе свободой. Рука, которая поразила Царя Россіи или покушалась на императора Германіи, поразила бы также и президента республики. Это враги установленной власти (authority), организованнаго ограниченія, и не должны имѣть никакого потворства со стороны тѣхъ, кто любитъ порядокъ и уважаетъ законъ. Въ настоящее время въ нашей странѣ раздается крикъ противъ капитала, но капиталъ такъ же необходимъ для благосостоянія общества, какъ само правительство. Громадныя коммерческія предпріятія нашего времени, которыя даютъ заработокъ тысячамъ промышленныхъ гражданъ, не могутъ быть ведены безъ громаднаго капитала. Эти политическія и общественныя заблужденія вытекаетъ большею частію изъ философіи свободныхъ мыслителей, которые притязаютъ на право мыслить, говорить и дѣйствовать — какъ только имъ угодно. Я отрицаю это право. Законъ ограниченія повсюду имѣетъ такое же господство, какъ и самъ законъ, и человѣческая мысль не составляетъ исключенія изъ этого правила. Есть конечно различіе между способностью мыслить и правомъ мыслить. Я имѣю способность (power) мыслить, что дважды одинъ составляетъ четыре, что часть больше цѣлаго, что слѣдствіе можетъ быть безъ причины, но я не имѣю права на это. Подъ правомъ я разумѣю оправданіе. Мыслить, что часть больше цѣлаго, значитъ мыслить нелѣпость. Вы имѣете способность мыслить, что нѣтъ Бога, но вы не имѣете права мыслить такъ, потому что вы обязаны мыслить согласно законамъ мысли, фактамъ въ данномъ предметѣ и результатамъ, которые могутъ выдти изъ вашего мышленія. Мыслить, что слѣдствіе можетъ существовать безъ причины, значитъ совершать преступленіе противъ разума, потому что вы не имѣете права мыслить то, что противно самоочевидной истинѣ. Коммунизмъ и нигилизмъ суть выводы этой чудовищной нелѣпости, что че-

ловѣкъ имѣеть право мыслить какъ ему угодно. Самый свободный въ мірѣ человѣкъ тотъ, кто оказываетъ самое полное повиновеніе закону и кто признаетъ благодѣтельныя ограниченія, въ которыхъ онъ созданъ. Это религіозная свобода въ ея высочайшей формѣ. Это эмансипація души отъ грѣха въ жизнь праведности.

«Церк. Вѣстникъ».

Церковный Вѣстникъ о Воронежскомъ епархіальномъ сѣздѣ, бывшемъ въ январѣ мѣсяцѣ 1881 года.

Изъ сѣздовъ, происходившихъ въ мѣсяцѣ январѣ, оставиваетъ на себѣ вниманіе *воронежскій епархіальный сѣздъ*. Онъ продолжался съ 15-го по 18-е января и въ теченіи этихъ дней разсмотрѣлъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, хотя и не по всѣмъ далъ окончательное рѣшеніе. Кромѣ вопросовъ, относящихся непосредственно къ семинаріи и женскому епархіальному училищу, подвергнуты были еще обсужденію вопросы объ отношеніяхъ духовенства къ земству и выборѣ гласныхъ изъ духовенства въ земскія собранія, а также эмеритальный, церковно-свѣчной, пожарно-страховой и вопросъ о подъемѣ религіозно-нравственнаго уровня народа. Последніе четыре вопроса были безспорно самыми трудными для депутатовъ сѣзда, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыми важными для духовенства. По отношенію къ нимъ депутаты сдѣлали все, что могли сдѣлать при наличныхъ средствахъ и въ сравнительно короткое время бывшее въ ихъ распоряженіи, но многое еще оставили неоконченнымъ.

Прежде всего это нужно сказать о проектѣ епархіальнаго страхованія. Сѣздъ принялъ только въ принципѣ предложеніе объ учрежденіи епархіальнымъ духовенствомъ особаго

страховаго отъ огня общества; но осуществленіе его оставилъ до будущаго времени. Причина тому заключалась въ отсутствіи практической подготовки для дѣла. Подробности его не разработаны и не усвоены духовенствомъ воронежской епархіи въ такой степени, какъ это сдѣлано напримѣръ въ саратовской или даже калужской епархіяхъ, уставъ не написанъ и основной капиталъ не только не составленъ, но и не рѣшено, на какихъ началахъ онъ можетъ и долженъ быть составленъ — акціонернымъ-ли путемъ, или съ помощію готовыхъ епархіальныхъ средствъ, представляемыхъ свѣчнымъ заводомъ и другими источниками. Воронежскому духовенству предстоитъ предварительно уяснить себѣ всѣ эти стороны дѣла, прежде чѣмъ приступить къ выполнению такой сложной, требующей тщательныхъ вычислений операціи.

Нѣсколько больше сдѣлалъ съѣздъ для церковно-свѣчной операціи. Въ воронежской епархіи свѣчной заводъ уже существуетъ, но далеко не процвѣтаетъ. Причина тому — давно извѣстная и общераспространенная небрежность старостъ и настоятелей церквей къ общепархіальнымъ интересамъ, выражающаяся въ предпочтеніи, какое оказываютъ церковные старосты частнымъ свѣчепромышленникамъ и ихъ заводамъ предъ заводомъ епархіальнымъ при покупкѣ свѣчь для церковнаго употребленія. Небрежность эта ясно видна изъ отчетовъ свѣчной комиссіи; во второе полугодіе 1880 г. нѣкоторые церкви воронежской епархіи не взяли въ комиссіи ни одного фунта свѣчь, а другіе, съ населеніемъ отъ тысячи до двухъ съ половиною тысячъ душъ, взяли крайне ограниченное количество, отъ 30 ф. до 2 пуд., при чемъ остатковъ свѣчь отъ перваго полугодія, взятыхъ церквами изъ комиссіи, не могло быть. Гдѣ же получались свѣчи этими церквами? Очевидно у частныхъ свѣчныхъ торговцевъ, которые успѣваютъ конкурировать съ епархіальнымъ заводомъ и епархіальными свѣчными

складами съ помощью главнымъ образомъ пріемовъ недозволенныхъ законами. Воронежскій епархіальный съѣздъ могъ бы обезпечить сбытъ продуктовъ своего завода, установивъ подобно другимъ епархіямъ нормальный размѣръ, въ какомъ каждая приходская церковь обязана брать свѣчи, пропорціонально населенію прихода; но съѣздъ не рѣшился прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ; онъ ограничился тѣмъ, что возложилъ на благочинныхъ обязанности комисіонеровъ по церковно-свѣчной операціи и ассигновалъ 1000 р. изъ средствъ завода на наемъ особаго человѣка, специальная должность котораго будетъ состоять въ преслѣдованіи и пресѣченіи розничной продажи свѣчъ по всѣмъ мѣстамъ воронежской епархіи.

Вопросъ о поднятіи уровня религіозно-нравственнаго состоянія народа встрѣченъ съѣздомъ съ величайшимъ сочувствіемъ, не возбудивъ противъ себя никакихъ возраженій и замѣчаній. Одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на народъ со стороны духовенства, именно посредствомъ преподаванія въ школахъ, совершенно не принятъ былъ въ расчетъ при разсужденіяхъ депутатовъ съѣзда объ этомъ предметѣ, хотя въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-нибудь, слѣдовало бы духовенству подумать о возвращеніи себѣ такимъ или инымъ образомъ того вліянія на подрастающее поколѣніе, которое когда-то всецѣло было въ рукахъ церкви и ускользнуло изъ ея рукъ вмѣстѣ съ закрытіемъ церковно-приходскихъ школъ и замѣной ихъ народными училищами. Съѣздъ обратилъ вниманіе только на церковную проповѣдь и собесѣдованія, которыя въ воронежской епархіи находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ и во многихъ другихъ. И въ воронежской епархіи сплошь и рядомъ встрѣчаются церкви, въ стѣнахъ которыхъ никогда не раздается поученіе съ церковной кафедры, есть священники, правда не кончившіе семинарскаго курса, о которыхъ въ

клировыхъ вѣдомостяхъ показано, что они не произнесли ни одной проповѣди. Постановленіе январскаго сѣзда, направленное къ оживленію проповѣдничества, отличается поверхностностію: не принимая никакихъ реальныхъ мѣръ, сѣздъ удовольствовался лишеннымъ всякаго практическаго значенія пожеланіемъ, чтобы церковное проповѣдничество получило возможно широкое развитіе и чтобы тѣ священники, которые будутъ располагать достаточнымъ временемъ для устройства собесѣдованій съ прихожанами, не пренебрегали этимъ предметомъ. По какимъ побужденіямъ сѣздъ устранился отъ болѣе тщательнаго рѣшенія этого вопроса, трудно сказать. Очень можетъ быть, что задача рѣшить его оказалась выше его силъ, но въ такомъ случаѣ кто же въ силахъ это сдѣлать? Возможно также, что депутатамъ не чуждо было соображеніе, высказанное впоследствии однимъ священникомъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ («Ворон. Епарх. Вѣдом.» № 5, 1881 г.), что реализація желанія о развитіи проповѣдничества касается уже духовной административной сферы, т. е. епархіальной власти, и что епархіальная власть никогда не придавала собесѣдованіямъ обязательнаго характера, оставляя ихъ на волю и совѣсть самихъ пастырей, а слѣдовательно и сѣздъ не можетъ относиться къ нимъ иначе. Во всякомъ случаѣ это постановленіе сѣзда составляетъ одинъ изъ слабыхъ пунктовъ его дѣятельности. Нельзя отвѣчать одними пожеланіями на громкое требованіе народа, жаждущаго духовнаго вразумленія. А что проповѣдь и особенно собесѣдованія составляютъ для народа насущную потребность, которая неотлагательно и энергично должна быть удовлетворяема, это доказывается тѣмъ усердіемъ и постоянствомъ, съ какими простой народъ посѣщаетъ бесѣды въ мѣстахъ, гдѣ онѣ завѣдены:

«Желающіе слушать, читаемъ въ отчетѣ о вечернихъ

собесѣдованіяхъ въ одномъ сельскомъ приходѣ харьковской епархіи, являются непременно къ самому началу бесѣды, такъ что во время бесѣды почти не бываетъ приходящихъ, а тѣмъ болѣе псходящихъ, всеъ стоятъ и слушаютъ. Многіе и очень многіе изъ прихожанъ не пропустили ни одной бесѣды, и даже побуждаютъ къ тому другихъ. Какъ только скажешь имъ по окончаніи литургіи, что сегодня будетъ вечерняя бесѣда и при этомъ напомнимъ слова Спасителя: *«блаженнѣ слышащіе Слово Божіе»*, такъ они еще до колокола собираются, особенно тѣ, которые живутъ вдали отъ храма.

Священникъ, слова котораго мы привели, заключаетъ свой отчетъ замѣчаніемъ, которое не лишне было бы принять къ свѣденію и духовенству воронежской и всякой другой епархіи, а именно: что о поученіяхъ, произнесенныхъ въ воскресные и праздничные дни на утреннемъ богослуженіи и на литургіи, а также о вечернихъ бесѣдахъ подробно значится въ церковно-служебной записи, подписываемой ежемѣсячно причтомъ и свидѣтельствуемой благочиннымъ.

Вопросъ объ учрежденіи эмеритуры, въ противоположность вопросу о религіозно нравственномъ просвѣщеніи народа, не обошелся на воронежскомъ сѣздѣ безъ возраженій и протестовъ со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ, за то рѣшеніе его отличается опредѣленностію и положительностію. Для руководства принять тамбовскій уставъ взаимно-вспомогательной пенсіонной кассы и постановлено начать операциі съ того времени, когда уставъ воронежской эмеритальной кассы, составленный по образцу тамбовскаго, будетъ утвержденъ и когда, по утвержденіи его, собранъ будетъ экстренный епархіальный сѣздъ. Въ этотъ уставъ внесены между прочимъ параграфъ, по которому духовенство имѣетъ право впоследствии измѣнять свой уставъ согласно указаніямъ опыта. Этотъ параграфъ особенно важенъ, потому что онъ наставникамъ

мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и консисторскимъ чиновникамъ подаетъ надежду на возможность допущенія ихъ къ участию въ составленіи и пользованіи взаимно-вспомогательной пенсіонной кассой. Январскій епархіальный съѣздъ не рѣшился пока ихъ допустить, потому что фонды кассы не были выяснены и всякій необдуманый шагъ могъ повредить предпріятію. Но съ теченіемъ времени это безъ сомнѣнія будетъ сдѣлано и воронежская епархія не отстанетъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ епархій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О приговорахъ волостныхъ правленій и крестьянъ по обидамъ, принимаемымъ духовными лицами.

Смоленская духовная Консисторія слушала: на журнальной статьѣ по рапорту Савинскаго волостнаго старшины, гжатскаго уѣзда, отъ 16 Ноября 1875 года, № 459 съ изъясненіемъ жалобы прихожанъ села Савина на оскорбленія, наносимыя имъ священникомъ ихъ села Виталіемъ Мясоѣдовымъ, 20 декабря послѣдовавшую резолюцію Его Преосвященства: „Исполнить, кромѣ 3-го пункта опредѣленія Консисторіи, который выразить опредѣленно, имѣя въ виду, что закономъ не запрещается прихожанамъ составлять приговоры о жалобахъ на причтъ, но что волостныя правленія не имѣютъ права входить въ обсужденіе этихъ жалобъ или приговоровъ и дѣйствій причта, и что отношенія волостныхъ правленій ко мнѣ незаконны. Впрочемъ, такъ-какъ дѣла по этому предмету поступаютъ и въ другіе столы, то, вновь пересмотрѣвъ этотъ предметъ, представить заключеніе протоколомъ„. По справкѣ въ Консисторіи съ дѣлопроизводствомъ оказывается: 1) что по приговорамъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, представляемымъ волостными правленіями и старшинами, весьма много возбуждается слѣдственныхъ и другаго рода дѣлъ, каковыя приговоры въ большинствѣ случаевъ слѣдствіемъ не подтверждались, а иногда оказы-

валось, что въ оныхъ сельскіе старосты прилагали свои печати безъ вѣдома крестьянъ, и притомъ волостныя правленія принимаютъ на себя, безъ всякаго права, обсужденіе поступковъ духовныхъ лицъ съ оправданіемъ ихъ или обвиненіемъ, становясь такимъ образомъ какъ-бы въ роль прокурорскаго надзора; такое дѣло возникло по отношенію къ Его Преосвященству бѣльскаго уѣзда ассуйскаго волостнаго правленія отъ 6 марта 1874 года, № 178, о священникѣ села Рождественскаго Роженцевѣ. 2) Что волостныя правленія, равно и старшины нерѣдко вмѣшиваются въ дѣла, ихъ вѣденіе не подлежащія, и, обходя ближайшія къ нимъ начальственныя инстанціи, относятся непосредственно къ епархіальному архіерею хотя въ формѣ рапортовъ, но на бланкахъ отношеній и даже прямо отношеніями, какъ напр. ельинскаго уѣзда Востокское волостное правленіе отъ 26 декабря 1875 года, за № 1124, вошло съ ходатайствомъ о переводѣ деревни Становъ изъ прихода села Орнишицъ въ приходъ села Востокъ. И выписку изъ законовъ: общаго положенія о крестьянахъ ст. 26. Къ предметамъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ, по засвидѣтельствованію разнаго рода актовъ, относится: пунктъ 4, засвидѣтельствованіе довѣренности временно-обязанныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей на ходатайство по ихъ дѣламъ. 5) Вѣденію сельскаго схода подлежатъ: 1) выборы сельскихъ должностныхъ лицъ, и назначеніе выборныхъ на волостной сходы; 2) приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его, временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе, какъ на три года; 3) увольненіе изъ общества членовъ его и пріемъ новыхъ; 4) назначеніе опекуновъ и попечителей; повѣрка ихъ дѣйствій; 5) разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ; 6) дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, какъ-то: перездѣлъ земель, накладка и скидка тягловъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки и т. п. 7) при участковомъ или подворномъ, (наслѣдственномъ) пользованіи землею распоряженію участками мірской земли, по какому либо случаю остающимися праздыми или несостоящими въ подворномъ поль-

зованіи; 8) совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ; 9) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ, по дѣламъ общества, чрезъ особыхъ выборныхъ; 10) назначеніе сборовъ на мірскіе расходы; 11) раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей, и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ; 12) учетъ должностныхъ лицъ, сельскимъ обществомъ избранныхъ и назначеніе имъ жалованья или иного за службу вознагражденія; 13) дѣла по отбыванію рекрутской повинности, въ той степени, въ какой они касаются сельскаго общества; 14) раскладка оброка и издѣльной повинности по тягламъ, по душамъ, или инымъ принятымъ способомъ, тамъ, гдѣ повинности, въ пользу помѣщика, отбываются за круговою порукою дѣлаго общества; 15) принятіе мѣръ къ предупреденію и взысканію недоимокъ; 16) назначеніе ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоствованій; 17) дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ, и 18) всѣ тѣ случаи, когда, по общему закону или по правиламъ положеній о крестьянахъ, требуется согласіе или разрѣшеніе сельскаго общества. *Примѣч. 1.* Въ сельскихъ обществахъ, въ коихъ нѣкоторые домохозяева платятъ оброкъ, а другіе отбываютъ издѣльную повинность, тѣмъ и другимъ предоставляется, независимо отъ общаго сельскаго схода, собираться, въ свободное отъ сельскихъ работъ время, отдѣльно на частныхъ сходахъ, для обсужденія предметовъ, касающихся исключительно до оброка, или издѣльной повинности, отбываемыхъ ими порознь. *Примѣч. 2.* Сельскій сходъ можетъ совѣщаться и постановлять приговоры только по предметамъ въ этой статьѣ исчисленнымъ. Если же сходъ будетъ имѣть сужденіе и постановитъ приговоръ по предметамъ, его вѣденію не подлежащимъ, то приговоръ считается ничтожнымъ, а лица участвовавшія въ составленіи онаго или въ самовольномъ созваніи схода, смотря по важности дѣла: или подвергаются взысканію по рѣшенію мирового по-

средника, или предаются суду. 78) *Вѣденію волостнаго схода* подлежатъ: 1) выборы волостныхъ должностныхъ лицъ и судей волостнаго суда; 2) постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости; 3) мѣры общественнаго призвѣнія; учрежденіе волостныхъ училищъ; распоряженіе по волостнымъ запаснымъ магазинамъ, гдѣ они есть; 4) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ, по дѣламъ волости, чрезъ особыхъ выборныхъ; 5) назначеніе и раскладка мѣрскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости; 6) повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избираемыхъ; 7) повѣрка рекрутскихъ списковъ и раскладка рекрутской повинности по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 192—207, и 8) дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ волости.

Примѣчаніе. Волостной сходъ имѣетъ право совѣщаться и постановлять приговоры только по предметамъ, въ этой статьѣ исчисленнымъ. Если же сходъ будетъ имѣть сужденіе и постановитъ приговоръ по предметамъ, его вѣденію не подлежащимъ, то приговоръ считается ничтожнымъ, а лица, участвовавшія въ составленіи онаго или въ самовольномъ созваніи схода, смотря по важности дѣла: или подвергаются взысканію по рѣшенію мирового посредника, или предаются суду. —Свода законовъ тома II общихъ губернскихъ учрежденій части 1, ст. 4645. Волостное правленіе въ случаѣ надобности въ сношеніи съ мѣстами и лицами, состоящими подъ вѣдомствомъ другихъ окружныхъ начальствъ, также съ новыми приставами другихъ уѣздовъ, представляетъ о семъ своему окружному начальству; но въ случаяхъ, отлагательства не терпящихъ, каковы суть поимка преступниковъ, лѣсные пожары и т. п., волостное правленіе можетъ и прямо сноситься съ вышеупомянутыми мѣстами и лицами, донося о томъ въ то-же время своему окружному начальству. *Приказали:* Принимая въ соображеніи 1) что сельскимъ и волостнымъ сходамъ, 51 и 78 правилами общихъ положеній о крестьянахъ, не предоставлено права составлять приговоры по предметамъ, вѣденію сходовъ не подлежащимъ, а на основаніи 9 п. 51 ст. сельскимъ сходамъ предо-

ставляется принесеніе куда слѣдуетъ жалобъ и просьбъ по дѣламъ общества не иначе, какъ чрезъ особо выборныхъ, которымъ на основаніи 17 п. должна быть выдана надлежащая довѣренность, засвидѣтельствованная, согласно 4 п. 26 ст. положенія о крестьянахъ, высшимъ сельскимъ начальствомъ, замѣняющимъ нынѣ мировыхъ посредниковъ; 2) тѣмъ менѣе имѣютъ право волостныя правленія и старшины вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія вѣденію и распоряженію епархіальнаго начальства (указъ Св. Синода 31 декабря 1867 г. № 5707, на который указывается въ журналѣ Церковный Вѣстникъ, 30 августа 1875 г., № 34) и что 3) въ случаѣ надобности, правленія и старшины, по смыслу 4645 ст. П. т. св. зак. изд. 1857 года, должны входить въ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ не прямо отъ себя, а чрезъ ближайшія къ нимъ начальства, консисторія полагаетъ: просить смоленское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе объявить сельскимъ и волостнымъ сходамъ, что приговоры ихъ о предметахъ, ихъ вѣденію не подлежащихъ, будутъ оставляемы епархіальнымъ начальствомъ безъ послѣдствій, а составители оныхъ, по смыслу примѣчаній къ поименованнымъ статьямъ, будутъ привлекаемы къ отвѣтственности, и что жалобы отъ цѣлыхъ обществъ на приходскихъ своихъ священниковъ должны быть излагаемы не въ приговорахъ, а въ особыхъ прошеніяхъ прихожанъ или ихъ уполномоченныхъ, и въ послѣднемъ случаѣ по довѣренности, засвидѣтельствованной надлежащимъ порядкомъ. Волостныя правленія, а также старшины поставить въ извѣстность, что они не имѣютъ права входить непосредственно отъ себя къ епархіальному архіерею рапортами и отношеніями, имѣя въ виду, что архіерейскими отношеніями сносится только съ начальникомъ губерніи и равными съ нимъ лицами правительственной іерархіи. Опредѣленіе сіе напечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства, а консисторіи руководствоваться онымъ въ надлежащихъ случаяхъ, ежели послѣдуетъ утвержденіе Его Преосвященства. Какъ-ковой протоколь, вмѣстѣ съ дѣломъ, представить на благоусмотрѣніе Его Преосвященства, а по утвержденіи исполнить, дѣло считать

конченнымъ и сдать своевременно въ архивъ.—Резолюція Его Преосвященства по сему предмету послѣдовала такая: 30 января. Утверждается; полезно отпечатать весь протоколъ со справкою.

— Саратовская духовная консисторія, усмотрѣвъ изъ дѣлъ своихъ, что приговоры крестьянъ съ разными ходатайствами и жалобами на членовъ причта поступаютъ къ епархіальному началству не рѣдко даже не при прошеніи уполномоченныхъ отъ общества, а прямо при рапортахъ и отношеніяхъ волостныхъ правленій, и имѣя въ виду, что статьями 51 и 78 т. IX Зак. о сост. (особ. прил.), въ которыхъ ясно очерченъ кругъ дѣятельности волостныхъ и сельскихъ сходовъ и съ точностію обозначены предметы, по которымъ обществами могутъ составляться приговоры, сходамъ этимъ не предоставлено право входить въ разсужденіе по дѣламъ касающимся духовенства, подлежащимъ вѣденію епархіальной власти, и лица, участвовавшія въ составленіи приговоровъ по предметамъ, вѣденію схода не подлежащимъ, подвергаются взысканію, или предаются суду, отношеніемъ отъ 18 февраля 1876 г., за № 2363, увѣдомила саратовское губернское правленіе и просила, чтобы оное, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, обязало волостныя правленія и сельскія начальства не составлять приговоровъ о предметахъ, вѣденію сходовъ не подлежащихъ, и не вмѣшиваться въ предѣлы вѣдомства епархіальной власти, съ объявленіемъ при томъ, что всѣ таковыя приговоры ихъ будутъ оставяемы безъ послѣдствій, а составители ихъ будутъ привлекаемы къ ответственности, и о послѣдующемъ увѣдомить консисторію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу прекрасно-исполненные портреты

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

Императора АЛЕКСАНДРА III и Императрицы МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мировыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учрежденій и лицъ. Портреты, величиною каждый: 12 $\frac{1}{2}$ вершковъ въ длину и 9 вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣднимъ фотографіямъ извѣстнымъ художникомъ-портретистомъ П. Ѳ. Борелемъ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ

Цѣна каждому портрету 1 р. съ пересылкою. За оба портрета вмѣстѣ: 2 р. съ пересылкою.

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Съ требованіями обращаться исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Иллюстрированный Міръ“, по Николаевской ул., д. № 48.

АРХИТЕКТОРЪ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ

ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ШЕБАЛИНЪ,

по уполномочиванію Товарищества Метахромотипии, принимаетъ заказы на поставку иконъ, иконостасовъ, хорутвій и проч. какъ издѣлія метахромотипии, такъ равно и живописныхъ работъ по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Образцы метахромотипии можно видѣть и покупать по имѣющемуся отъ Товарищества прейсъ-куранту у него же г. Шебалина, квартирующаго въ г. Воронежѣ на Мало-Московской улицѣ въ домѣ Ракиныхъ.

Содержаніе 5-й книжки Душеполезнаго Чтенія.

I. Слова преподобнаго и богоноснаго отца нашего Симеона Новаго Богослова.

II. Что по преимуществу необходимо для насъ въ виду страшныхъ событій послѣдняго времени? Прот. А. Хойнацкаго.

III. Какъ относились къ царской власти святые мученики первыхъ временъ христіанства, и какіе уроки отсюда слѣдуютъ для насъ въ настоящихъ обстоятельствахъ? Прот. А. Хойнацкаго.

IV. Бесѣда съ поповцемъ о временахъ нуждныхъ. Архим. Павла.

V. Примѣры чудодѣйственной силы Божіей. Е. П.—аго.

VI. Чудесное исцѣленіе по молитвѣ предъ домашнею иконою Богоматери. Свящ. І. Виноградова.

VII. Одно изъ новыхъ благодатныхъ явленій отъ иконы Божіей Матери, именуемой Абалацкою. Прот. Алекс. Сулоцкаго.

VIII. Посланіе святѣйшаго Синода.

IX. Царское завѣщаніе.

X. Гробъ Христовъ. Прот. В. Нечаева.

XI. Четыре поученія по руководству Пролога. Свящ. Виктора Гурьева.

XII. Мысли и замѣтки о разныхъ предметахъ. П. Морозова.

XIII. Резолюціи моск. митр. Филарета.

XIV. Мнѣніе егоже.

ХУДОЖНИКЪ АКАДЕМІИ

И. М.

СОЛОМАТИНЪ.

Принимаетъ заказы иконостасныхъ работъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ съ ручательствомъ за доброкачественность исполненія, и со льготами, по желанію г.г. заказчиковъ, за работы платежей.

Мастерская находится на Средне-Московской улицѣ, въ своемъ домѣ. Въ Воронежѣ.

Поправка.

Въ 9-мъ № Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, на страницѣ 146, въ объявленіи отъ Совѣта Воронежскаго Епархіальнаго училища оказалась значительная погрѣшность: въ 2 § сего объявленія (подъ буквою д) напечатано: «внось за своекоштныхъ воспитанницъ... Вор. епархіи платится 100 р. въ годъ», а слѣдуетъ читать—110, согласно постановленію послѣдняго сѣзда депутатовъ отъ духовенства Вор. епархіи.

СОДЕРЖАНІЕ:

Рѣчь къ поселянамъ Св. Иларіонова.—Объ обрядахъ и символахъ въ христіанскомъ Богослуженіи.—Рѣчь въ Нью-Йоркѣ Ньюмона.—Отзывъ Церковнаго Вѣстника.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Димитрій Пльвиницкій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магістръ Протоіерей П. Палицынъ. Мая 15 дня 1881 года.

Воронежъ. Въ типографіи В. П. Псаева.